

с современных войнах у пожилых людей ассоциативно возникают воспоминания о Великой Отечественной, которую все пережили. Это и определяет их отрицательное отношение к любой войне:

«А чтобы ее не было, этой войны. Так, вот, война... Мы и так пережили: финскую пережили, эту войну, такую страшную пережили, голод, холод пережили, ходили без сапог, без валенок...» (д. Теребовская; В.А. Куроптева, 1928 г.р.).

8. Взгляд на будущее деревни

Жителям Семенова и близлежащих деревень будущее представляется исключительно мрачным. Показательно, в каких выражениях они говорят о будущем их деревни:

«Перспектив никаких нет у нашей деревни» (д. Семеново; Н.Б. Усачева, 1959 г.р.); «Все вымрет» (д. Семеново; Л.Н. Филатова, 1937 г.р.); «Скоро будем дрова рубить из окошка» (д. Семеново; С.П. Миронов, 1920 г.р.); «Полный развал, и такой развал, который продолжается и дальше и никакого просвета, вот, не видно, что это закончила. А душа так <...> болит, что вроде как это все должно восстановиться. Тут поля, поля такие!» (д. Каршево; А.В. Дэдик, 1950 г.р.).

Эта бесперспективность относится не только к деревне в целом — это в некотором роде и самоощущение людей:

«А ничего, ничего здесь не будет. Я, помню, была анкета с "Пудожской сплетницей" <...> Я написала: "Бесперспективная пенсионерка", — это я про себя так написала» (д. Каршево; М.Н. Сухова, 1911 г.р.).

Бесперспективность деревни связывается с тем, что восстанавливать ее некому, люди изменились: стали недисциплинированными, ленивыми и много пьют:

«Также хуже будет, потому что рабочей силы нет, молодежь не хочет так работать, как раньше работали, с утра до вечера, да за копейки. Час надо, чтоб зарплаты были большие и жить хорошо, и гулять — и все» (д. Семеново; А.В. Алексеева, 1928 г.р.).

«Начальство не справится... Он придет на работу, поработает день — на другой не пойдет. Скажет: "Я не пойду навоз отгребать". Ну, опять ходить, кого-то искать начальнику» (д. Семеново; С.П. Миронов, 1920 г.р.).

Кроме этого, много молодых просто вынуждено уезжать: работать негде, да плюс к этому сегодня стоит вопрос о закрытии в Семенове школы. Если это произойдет, то скоро в деревне останутся одни старики.

Е.В. АКЕЛЬЕВ, студент IV курса Российско-французского центра исторической антропологии им. М. Блока РГГУ (Москва)

Фото А.Л. Топоркова

Свадьба, родины и похороны в Каргополье

В предлагаемой публикации представлены устные рассказы по обрядам жизненного цикла (родильно-крестильному, свадебному и похоронному). Материалы собраны на территории Ухотского сельского совета Каргопольского р-на Архангельской обл. Информантами являлись женщины в возрасте 65—87 лет.

Свадебный обряд

Время, когда происходило большинство свадеб, определяли исходя из религиозных или рациональных мотивов: «После Пасхи тут, после Рождества тут, пост кончится — так. А уж когда пост, так тогда свадеб не играют, это грех считается. Вот сейчас пост с Троицына дня — так нельзя, пост до Петрова дня, но ведь в сенокос свадеб не играли, все больше по осени» [7]; «А вот раньше в говинье не делали свадеб, в мае тоже, кто в мае сделать, так всю жизнь будет маяться, а в говинье — так грех. С Рождества до Великого говинья делали» [10]; «После молотенья, вот соберут урожай, тогда уж только» [1; 9].

Цикл свадебных обрядов начинался со словора: «Идет на словор, в эту компанию входят отец, жених... или там дедушка, в общем, без сватов. Ну, если они там договорятся, что у них появится желание выдать дочь, значит, дальше берут уже сватов и идут сватать невесту, значит, называется просвата́нье» [5].

Сватами выступали в основном родственники или друзья: «Сватовья ходили, друзья, может брат старший есть, до трех человек может быть. И старались в сватовья выбрать словоохотливого такого или женщину или мужчину, который знал различные подходы к сватству, сумел найти нужные слова» [5]. При выборе жениха или невесты определяющее значение имело слово родителей, но были и другие случаи: «Бывали такие случаи, что она самоходкой убегала. Просватали родители, и таких невест закрывали на замок до самого дня венчания. Вот моя мама таким же образом тоже выходила замуж» [5]; «В праздники уводили, в Троицу приедут на лошаде, схватят девку и повезли — вот раньше так бывало, а обратно так уж она не смеет прийти... И уж ночевала ночь, так обратно уж не пойдешь — грех» [10].

Зафиксирован случай мести неудачных сватов семье девушки: «После неудачного сватства бывало дегтем ворота вымажут, это опозорили ее на всю жизнь. Бывали еще такие случаи, что есть у девушки один парень и тут появляется другой — что она изменила. И вот один из них может ворота дегтем. И тогда этой дочери от матери да

отца житья нет: пока полгода не пройдет, не выпускали ни на одну вечеринку, ни на одно гульбище. Сиди дома, раз ты сама себя опозорила» [5].

Обряд смотрина имеет разные толкования: «Сначала съездят к ним [в дом жениха], посмотрят, какая у них изба, сколько членов семьи, можно ли в этом хозяйстве жить более-менее подходяче. Если это нравилось, то слово невесты никакой роли не играло: тебе нравится, не нравится жених — вот твой суженый» [5]; «Приедет жених с товарищем, или с отцом, или с братом, и там на вечеринке они общаются с этой невестой, узнают. Ведь сватали-то за десять километров. Они и не знают, родители знают и все. Они приедут свататься и невесты не видят. Первый раз надо посмотреть» [2].

Обряд прощания с волей невесты и девичник имели противоположные значения и не совпадали по времени проведения: «Девичник — это вот когда просватали невесту. Собираются девушки, ребята, пели, плясали, весело там было» [2]. Девичник иногда ассоциировался не только с предбрачной группой обрядов: «Проводился ли девичник? — Было, было это, и не только перед свадьбой, а вообще... Беседы у нас раньше называлось. Плясали да кавалерами занимались, приходили все кому не лень» [4]. Девичник мог совпадать с выкупом и проводиться непосредственно перед венчанием: «Вот девки садились кругом за стол, пели, жених приезжает за невестой, это против свадьбы (перед свадьбой. — А.Ч.), когда приезжает за невестой. Девушки сидят, она сидит в кругу девушек. Тут: платите за невесту, — выкуп просят» [1; 9]. Обряд прощания с волей, по словам всех информантов, непременно сопровождался причитаниями невесты: «По деревне водили девки, и невеста прощалась с молодостью, водили ее под руки, она причитала» [1; 9]; «Вот помню, что у меня в детстве девушка выходила замуж и приходила в каждую избу и там причитала» [2].

Не обнаружено широкого бытования банных обрядов в предбрачный период. Только одна информантка вспомнила, что «когда нать жениху приехать за невестой, ее моют в байне. — Кто? — Все подруги ейны. После эту девушку поставят на сковороду, ей готовят к жениху, заплетают косы»

[10]. Как правило, баня является одной из составляющих послебрачного обрядового цикла: «В саму свадьбу, на второй день молодые ходили в баню и уже после бани садились за стол» [1; 9].

Зафиксированы поверья о том, как можно испортить молодых: «Можно испортить молодых словами какими-то. Бывало, у нас к бабушке пришла одна нищенка, а потом ушла. Та и говорит, что у ней будто вызывает как на рвоту, а это икота. Во время свадьбы ей испортили, и вот эту икоту вывести ей никак нельзя. У ней, что она думает на уме, что сказать или что, так у ней как будто там все вызывает. Вот это было — ее подпортили. — Кто? — Ваганы» [10]. «Вот у нас за рекой была свадьба. После все разошлись по домам и вот увидели на этом на полу была накидана рожь, зерно и соль. Думали про одну женщину. Этот вот парень гулял с ней, а потом невесту взял из Каргополя. И они недолго и жили, с первых дней у них пошли ссоры» [10]. «Ложили ножницы, вот так разъединяли, завязывали их, чтоб они не сходились эти концы с концами, и ложили под крыльло, через которое шагали молодые. И чтоб они худо жили, вот эти концы-то разъединяют. Мол, как эти концы не сойдутся, так в этой семье муж и жена близко друг к другу не сходятся. И дойдет до того, что они разведутся» [5]. Предотвратить порчу можно было следующим образом: «Бывало, что портили. Так, чтоб этого не было, садится кто-нибудь из родственников в угол иглядит, чтоб ничего такого не было» [1; 9].

Приданое невесты включало в себя: «обязательно шубу, бекеши (демисезонная одежда. — А.Ч.), чтоб шали были, платки, обязательно, чтоб были богатые подарки для свекра и свекрови, для золовок, для деверей, чтоб была у ей и зимняя обувь, и осенняя, и летняя, чтоб обязательно были галоши. И к невесте или телку, или корову, или овец в приданое. Перину вместе с одеждой, подушки там, одеяла» [5]. «Сундук везет невесту на родня с приданым, а там встречают. На сундуке сидят тетки, пристыли, хоть летом, а все равно пристыли к сундуку. Вот с подносом выходят родня жениха, на подносе водка, рыбник. Выпьют тут, сойдутся и отдают приданое, а пока с подносом не выйдут, так и сидят — пристыли» [7].

После венчания встречали молодых родственники жениха, свекровь с караваем: «Встречала мать с хлебом и солью, хлеб на ручнике, и она встречает. А впереди идет крестная жениха или невесты и сыплет им жито или пшено» [2].

Название праздничного застолья — свадьба. Обязательного блюда не существо-

вало. Подавали жаркое, рыбники, пироги, шаньги и другое.

«Постель молодым делали родители или крестна — что боялись чужих допустить. Могут испортить, что молодые худо жить будут» [7].

На следующее утро — будильник. Кто будил молодых — определенного ответа нет. Это могли быть крестные, сваты, родственники, друзья. Они имели определенное название буженицы или кашники. «На второй день варили кашу в горшке и что-то приговаривали. Этот горшок затем бросали в порог, где молодые должны выходить. Говорили: "Лед ломал или грязь топтал?"» [8]. Свадебный цикл обрядов заканчивался хлебинами: «Хлебины были уже после этой свадьбы. Заводили родители невесты. И вот свадьба тоже — хлебины называлась. Все родные жениха туда ездили. Вот у меня сын женился, так мы тоже на хлебины ездили, свадьба была здесь, а потом через несколько дней и на хлебины» [3].

Родильный обряд

Для определения пола будущего ребенка существуют следующие приметы: «Как живот сделается таким острым — говорят, парень будет, круглый живот — девочка» [4], «Женщину садили на пол, если при вставании, она обопрется правой рукой, значит, будет мальчик, левой — девочка. Когда у женщины тошнота, рвота, то говорили, что будет девочка» [5].

Беременная женщина считалась нечистой. Ей запрещалось быть крестной, «ходить к покойнику», спать с мужем: «Если с мужем беременная сношение сделает, то надо идти на сарай и там водой обкатиться, все тело обкатить»; «Раньше со свекровями жили, вот свекровь все у печки готовила, а сноха скотину обряжала, так беременной запрещали это делать»; «Беременная не могла быть крестной, ее даже к покойнику не допускали» [4].

Наступление беременности и начало родов скрывали от посторонних: «Моя двоюродная тетя рожала во дворе, почувствовала и ушла, ушла во хлев вместе с овцами, там и рожала» [2]; «Уйдут во двор да во хлев, где скот. Вот у меня, например, муж-то родился во хлеве» [3]. Женщина «просила прощения у родственников при приближении родов на случай смерти во время родов, исповедывалась» [4].

«Все больше бабушки принимали роды, как женщина почувствует, так сразу ее и приглашали. [Кто мог быть повивальной бабкой?] Любая старушка, которая пони-

мала, на всю деревню одна» [5]. «Бабушки повивали — бабки, которые принимали роды, старый человек, который травами лечил. Женщина один раз приняла роды, потом идут к ней, даже ездили за 10 километров» [2].

На исследуемой территории бытуют одинаковые способы облегчения родов: расплетали волосы, развязывали узлы, надевали широкую одежду. «Молилась повитуха Троеручице Божьей Матери, молились Богородице Матери Марии — это матери Иисуса» [5]. Приняв ребенка, «повитуха завертывала его в отцову рубаху, чтоб отец жалел ребенка» [3].

Рождение детей с физическими недостатками объясняли связью матери с нечистой силой: «Говорят, что во время беременности женщина была связана с нечистой силой и поэтому вот такой уродик родился» [5].

«Имена давались по святым, вот родилась девочка, и скоро будет день 14 марта — день Евдокии, значит, ребенка так и называли. Родился мальчик в ноябре в Александров день, и называли Александром» [5]. «Давали имена по церковным книгам. Вот, например, в какие месяца Николай, Иваны и вот по этим и давают. Придет такой период, что Власом дать, и дают Власом» [2]. Все информанты указали на то, что в одной семье могли быть дети с одинаковыми именами, если они родились в одно время: «Вот старшая дочь Анна, и последнюю называли Анной, потому что она родилась в тот период времени, когда по церковным давали Анной» [2].

Купали новорожденного через два дня после рождения: «В первое купание воду освежали крестиком» [5]; «При первом купании солдыцы бросают в воду» [4]; «Вот у меня брат-то маленький, как его мыть, мама в воду клала ноздреватый-ноздреватый камешок» [3].

Когда укладывали ребенка в колыбель, использовали предметы, способные уберечь от сглаза: «Клали такие полосы из ситца и туда ребеночка, чтоб не сглазили» [5]; «В колыбель клали ржаную соломку, загнут так да наладят» [4].

«Долго ребенка не показывали после родов, боялись оговорища, а понесут если первый раз в люди, солью помажут на лбу и на подбородок» [4]. «Как если ребенок плачет, плачет, так на него со скобы [дверная ручка] лили воду» [6].

Очистительные обряды непременно связанны с баней: «Мылась роженица, когда уже ходить начнет, тогда и в баню идет, но мыться она должна в первый жар, то есть чтобы никто до нее не мылся» [4]; «Мылась она в бане, может с мужем, но не одна» [2].

Сохранился обычай посещения роженицы женщинами: «После родов к ней первая приходила свекровь, приносила вкусных пирожков и благословение как ей на воспитание своего дитя, так и своему внуку словесное» [5]. Зафиксировано название обряда — *каша*: «Каша вот была, как роженица оправится, приглашали своих родных, они тоже с подарками приходили для маленько-го» [9; 1].

В церковь роженице ходить запрещалось: «Вот когда крестят ребенка, она не ходит» [5]. Существовал обряд *молитву брати*: «А молитву брали недель через 8—10. Тут сама мать ходила в церковь... Ходили мать и крестная — молитва еще не брана, надо идти молитву брати» [5].

«После крещения ребенка ложили на шубу перевернутую мехом вверх. Расстилали на полу, когда рождался у меня сын, чтобы не было болезни *двиг* в мужских органах» [5]. Обязательным блюдом на званом обеде после крестин были *шаньги* (блины с толокном) и клюквенный кисель. Ни в одной из исследуемых деревень не выявлено брачных запретов между кумовьями.

Похоронный обряд

Смерть можно было увидеть наяву или во сне: «На яву смерть показывалась. Вот у моей старшей сестры было, вот она рассказывала. Шла лесом по дороге и саму себя видела, вот иду и она идет, такая же, как я, мне навстречу. Надо приближаться, а она потерялась. И вот через недолго у нас умер отец» [4]. «Вот на моей памяти было такое. Брат-то Ленька умер прежде, и мне приснилось. Что брат Мишка пришел весь в черном к маме и лег за шкаф, туда к Леньке. А через недолго Мишка и умер» [9].

Различают хорошую и худую смерть: «Хороша смерть — это умрет он быстро, а были такие, что долго скитались, наверное грешны были. И вызывали таких людей божественных и давали крестную молитву» [4].

Все информанты сошлись на том, что к смерти нужно готовиться заранее: «Раньше готовились, вот старики сами делали себе гроб. Уберет в сарае, сеном закидает» [4]; «Готовили платье, рубашка, штаны, чулки, тапки, кофту, платок. В красном да в темном не хоронят. Говорят, что в проходной будешь стоять долго, пока не выцветет этот цвет, будешь стоять. Так делают все больше светлое» [2].

Для облегчения наступления смерти совершили следующие действия: «Как если человеку тяжело, нужно ударить чем-нибудь в само верхне бревно на крыше, в князек.

Будто как скорее конец ему будет» [7]; «Вот когда ему тяжело, вызывал священника, делали ему покаяние. Его каяли, покает, причастят поп» [10]; «Мама умирала, так говорит: читайте молитву, — а молитва о болящих. И мы читали каждый день, чтоб скорее она умерла» [1; 9].

Момент наступления смерти связан с выходом души из тела: «Еще ставят воды в чашку к умирающему. Что душа выйдет — сначала в воду ополоснется, потом полетит» [7]; «Вот когда человек умирает, в тот момент из него уходит душа, и она обязательно вселяется в какого-нибудь животного, которое он любил, если там есть собачка или кошечка. Моя подруга, у нее погиб сын, но она не знала пока ничего. "Господи, — говорит, — что ко мне кошка-то сегодня, никогда не бывало, вот к дивану подойдет и так дергает, дергает и мяучит и таким голосом, что хочется ее приласкать, взять". И в эти самые минуты у нее погиб сын» [5]; «Помрет человек, так, если зимой, сразу открывают трубу, как будто душа вылетывает у него. А если летом, то открывают форточку или окно» [10].

Обмывать умершего «приглашали или старушку, или женщину какую, родственники уж не моют»; «раньше вот солома, рожью, вот этой соломки положат на пол, на нее простынь и вот на нее мертвое тело. Моют в одну сторону. Воду выливают на угол во двор, солому тоже выкидывают, простынь никуда не выкидывали, а в байне сжигали. Мыло да гребень зароют куда-нибудь» [10]. Одежду на умершем при этом разрывали или разрезали. «По платку давали обмывальщицам или деньги давали, на поминки приглашали» [3].

Гроб делали из сосны или ели. «В гроб ложили стружки. Положат и веников, березовые веники запасали раньше, и подушечку сделают из этого листа» [7]. Умершего обязательно накрывали саваном, который шили из портна (самотканое полотно). — А.Ч.).

Хоронили на третий день после смерти, «чтоб хоть две ночи дома ночевал», «выносят всегда окол час». «Только покойника выносят, стекла помоют, так поплещут водой из ковша и в одну сторону так помоют, а так не заворачивают туды-сюды» [4]; «Когда выносят, так водой плещут, и некоторые возьмут перевернут там стол или лавки, но это нехорошо. [Почему?] Потому что оно все перевернет после покойника, после будет кака-то тоже канитель. И ведь есть такие, пойдут и перевернут. Не надо этого делать» [10].

Гроб опускали на веревках или полотенцах, которые затем бросали в могилу. В

могиле делали полати или примостики: «четыре столбика по углам, потом поперечины, а наверх настелют досок, так и назывались полати» [1; 9].

Обязательные блюда на поминках — кутья и кисель. «Не пили много на поминах. Две рюмки выпьют и выходят, а больше — трех считалось». «Обязательно с кладбища приходят — все намаются, в первую очередь умывались в одну сторону. И еще, чтобы не бояться покойника, так приходят с кладбища, открывают печь и тудаглядят на заднюю стенку в печку» [7].

«Вот похоронили, на второй день идут его обедать приглашать, там помянули. Потом девятый день, двадцатый, если уж близкий человек. Сороковой — тут широко. Годины... До сорокового дня считается душа где-то тут ходит. На постель ему тряпочку белую положат и никто не спит — это его место. Вот, бывает, моль такая белая залетит, так говорили, что это душа прилетела. До сорокового дня никакие вещи покойника не раздают, кроме того человека, который мыл его, с тем сразу расплачиваются вещами» [2].

«А вот которые потопячи да удавленники, вот тех не отпевали. Их отдельно на кладбище хоронили, их на общее не разрешали, только за оградой. А сейчас уж такого нет» [10].

Вход на кладбище обязательно должен быть с запада. Наиболее часто встречающее название кладбища — *погост*. Как правило, на кладбище имеются «семейные» участки, то есть условно оно делится на квадраты, где похоронены только родственники.

Список информантов:

1. Журавова М.И., 1922 г.р., д. Тоболкино.
2. Каштанова М.В., 1915 г.р., д. Леонтьево.
3. Кокушкина В.В., 1927 г.р., д. Ефремово.
4. Кутынина А.П., 1931 г.р., д. Ефремово.
5. Макарова А.П., 1920 г.р., д. Никифорово.
6. Мухамедгалиева Л.Н., 1937 г.р., д. Низ.
7. Павнухина К.М., 1926 г.р., д. Ефремово.
8. Пачина А.К., 1921 г.р., д. Низ.
9. Романова К.И., 1923 г.р., д. Тоболкино.
10. Романовская Е.Н., 1916 г.р., Ухта.

А.А. ЧУХИНА,
аспирант; Поморский гос. университет
им. М.В. Ломоносова
(Архангельск)